Престон Дуглас, Чайльд Линкольн
Зубодёр

В Нью-Йорке, в полумраке просторной библиотеки особняка под номером 891, одиноко стоящего в стороне от Риверсайд-драйв, собралась компания из трех человек. Двое из них – специальный агент Алоиз Ш.Л. Пендергаст и его подопечная, Констанция – расположились в креслах перед потрескивающим в камине огнем. Со скучающим видом агент листал каталог бордосских винных фьючерсов, а сидящая напротив Констанция с головой ушла в изучение трактата под названием "Трепанация черепа в Средневековье: инструментарий и методики".

Третий предпочел остаться на ногах и раздраженно ходил взад-вперед. Выглядел этот небольшого роста человечек смешно и необычно: на нем был фрак, а на груди расположилась висящая на серебряных цепочках целая связка разнообразных непонятных амулетов и безделушек, начинавших звенеть и брякать при каждом движении гостя. Шагая, он опирался на трость-дубинку с набалдашником, вырезанным в виде скалящегося черепа.

Все это время пустой желудок человечка громко и недовольно бурчал. Звали гостя мсье Бертан – это был пожилой наставник Пендергаста, в детстве преподававший ему уроки естественной истории, зоологии и других необычных дисциплин. Находясь в Нью-Йорке, учитель навещал своего давнего протеже.

– Это возмутительно! – заявил он на всю библиотеку. – Fou, très fou![1] Боже мой, в Новом Орлеане я бы уже давно поужинал. Глядите, уже почти полночь!

– Еще и половины девятого нет, maître[2], – с легкой улыбкой ответил Пендергаст.

В дверях библиотеки появилась фигура экономки. Пендергаст обернулся:

– Что такое, миссис Траск?

– Повар, – ответила та, – просила передать, что ужин будет подан на полчаса позже.

Бертан раздраженно запротестовал.

– К сожалению, она переварила пасту, – продолжила миссис Траск, – поэтому придется готовить ее заново.

– Передайте повару, пусть не беспокоится, – произнес Пендергаст в ответ. – Мы никуда не спешим.

---

[1] Fou, très fou! – Безумие, какое безумие! (фр.)

[2] Maître – обращение к учителю, наставнику. (фр.)

Кивнув, миссис Траск повернулась и исчезла.

– Не спешите! – возмутился Бертан. – Говорите за себя. Я, ваш гость, умираю тут с голоду, словно узник в Бастилии. После такого мой желудок больше не будет работать как прежде.

– Поверьте мне, maître, ожидание того стоит. Тальятелле аль тартюфо бьянко очень простое блюдо, несмотря на всю его изысканность, – Пендергаст замолк, словно мысленно дегустировал еще готовящийся ужин. – Оно готовится из пасты тальятелле и тонко нарезанных отборных белых трюфелей, обжаренных в масле. Для приготовления этого блюда повар берет грибы из городка Альба, расположенном, как вам известно, в провинции Пьемонт. Там растут лучшие в мире трюфели, которые продаются на развес по цене золота.

– Ну и гадость! – заявил Бертан. – Нет, мне ни за что не понять страсти, которую янки испытывают к недоваренным макаронам.

Теперь и Констанция – впервые за все время – включилась в разговор:

– Янки здесь не при чем, – пояснила она. – Сами итальянцы предпочитают готовить пасту достаточно твердой – "al dente" – что означает "на зубок".

Но, кажется, объяснение лишь рассердило Бертана:

– Что ж, я предпочитаю, чтобы спагетти были мягкими: как рис, как крупы. Получается, это мещанство, oui[3]? Al dente, ишь ты! – с этими словами учитель повернулся к Констанции и сказал: – Спроси-ка своего опекуна про зубки. Вот тебе история, чтобы скоротать время, пока кое-кто умирает от голода.

Оскорбленный Бертан ушел, и стук тросточки, с каждым шагом выбивавшей дробь по полу соседней комнаты, постепенно затих.

На мгновение в библиотеке воцарилась тишина. Констанция покосилась на Пендергаста и заметила, что взгляд агента ФБР прикован к двери, через которую Бертан только что вышел. Затем агент повернулся к своей подопечной и сказал:

– Бертан настоящий чревоугодник. Не обращай внимания на его ворчание. Как только подадут основное блюдо, доброе расположение духа снова к нему вернется, будь уверена.

– Что он имел в виду под историей о зубках? – спросила Констанция.

Пендергаст замялся.

– Тебе будет неинтересно, – проговорил он. – Я уверен. История не из приятных, да и… связана с моим братом.

Лицо Констанции на долю секунды приобрело бесстрастное выражение:

– Это обстоятельство лишь подогревает мой интерес, – ответила она.

---

[3] Oui – да (фр.)

Долгое время Пендергаст молчал, и взгляд его блуждал где-то очень-очень далеко. Констанция тоже сохраняла молчание и терпеливо ждала. Наконец, Пендергаст глубоко вздохнул и начал рассказ:

– Тебе знакома детская сказка о зубной фее?

– Конечно. Когда я была маленькой, в обмен на мой зуб родители должны были класть под подушку одноцентовую монетку ... когда у них имелись деньги, конечно же.

– Совершенно верно. Во Французском квартале Нового Орлеана, где я провел большую часть своего детства, ходило аналогичное старинное поверье. Но кроме него, у нас была еще одна, скажем так, подобная история.

– Подобная?

– Некоторые малыши из нашего квартала верили в привычную сказку – в ту, что ты только что рассказала. Но большинство детей верили в кое-что совершенно иное: что Зубная фея – вовсе не то эфемерное существо, что приходит по ночам. Зубной фей из Французского квартала жил по соседству, вниз по улице от нашего дома. Им был не кто иной, как человек, которого все мы звали Стариком Дюфуром.

– Дюфур... – проговорила Констанция. – Французская фамилия, означает "из печи". Полагаю, Бейкер – ее английский эквивалент.

– Его полное имя было Морус Дюфур, – продолжил Пендергаст. – Этот старик-затворник неопределенного возраста обитал в ветшающем особняке на улице Монтегю в нескольких кварталах от нас. Он, наверное, лет пятьдесят не выходил из дома. Понятия не имею, чем он питался. Детьми мы порой видели по ночам сгорбленную тень Дюфура, которая бродила от одного тускло освещенного окна его жилища к другому. Как и следовало ожидать, соседские дети рассказывали о нем всякие жуткие истории: будто он – убийца с топором, питается человечиной и мучает мелких животных. Порой хулиганы постарше приходили к особняку по ночам, швыряли в окна один-два камня и тут же убегали. На большее духу не хватало даже у них. Никто никогда не осмеливался пойти, и, скажем, позвонить в дверь, – Пендергаст выдержал паузу. – Дюфур жил в одном из тех старинных особняков в креольском стиле, к тому же имевшем мансардную крышу и эркерные окна. Дом представлял собой пугающее зрелище: большинство стекол были выбиты, черепичная крыша прохудилась, крыльцо вот-вот грозило провалиться, а палисадник зарос увядающими карликовыми пальмами.

С возрастающим любопытством Констанция потянулась вперед.

– Никто не знал, с чего началась эта легенда о Зубном фее. Все, что я могу сказать – это поверье существовало столько, сколько мы, дети, себя помнили. А так как Дюфур был затворником и его все боялись, никто не мог спросить, знает ли он что-нибудь о том, как зародилась сия история, или что он сам думает насчет этой несуразной байки. Ты знаешь,

Констанция, бывает так, что сказки порой могут укорениться в умах детей и зажить своей собственной жизнью, передаваясь из поколения в поколение. Особенно это характерно для такого места, как Французский квартал. Несмотря на то, что он был расположен в центре большого города, квартал жил очень обособленной и провинциальной жизнью. Французский язык оставался языком представителей старинных семейств. Многие даже не считали себя американцами. Во многих отношениях Французский квартал был отрезан от внешнего мира, отчего креольские суеверия и странные верования – большинство из них очень древние – цвели пышным цветом, передавались из уст в уста… и загнивали, – Пендергаст жестом указал на дверь библиотеки. – Возьмем нашего оголодавшего друга: он представляет собой великолепный результат этой изолированности. Ты видела те странные предметы, что он носит на шее? Это отнюдь не эксцентричные украшения – это амулеты, гри-гри и талисманы, которые отводят зло, приваживают деньги и, прежде всего, способствуют сохранению потенции в преклонном возрасте.

На лице Констанции появилась легкая гримаса отвращения.

– Он верит и практикует обеа, магию худу и вуду.

– Очень необычное занятие.

– Только не для него, выросшего в той среде. Он был так же уважаем, как уважаем врач в любой другой общине.

– Давайте вернемся к поверью.

– Как я уже сказал, большинство малышей считали Старика Дюфура Зубным феем. Действовать следовало так: когда у ребенка выпадал молочный зуб, надо было дождаться следующего полнолуния, а потом, перед тем, как лечь спать, прокрасться к особняку Дюфура и оставить зуб в определенном месте на парадном крыльце.

– Что это за место? – спросила Констанция.

– Искусно вырезанный из дерева ящичек или что-то наподобие тумбы. На вершине имелось отверстие, а внутри был закреплен небольшой медный сосуд. Думаю, первоначальным предназначением этого ящичка было что-то вроде большой пепельницы или маленькой плевательницы. Он стоял на краю крыльца, совсем рядом с просевшими передними ступеньками. Надо было, не поднимая шума, взойти на крыльцо, бросить зуб в ящичек, а потом бежать со всех ног.

– А награда? – спросила Констанция. – Что получали взамен?

– Ничего. Не было никакой награды.

– Тогда зачем было отдавать зуб? Разве не лучше было бы положить его под подушку и получить немного денег?

– О, нет. Понимаешь, надо было отдать его Старику Дюфуру. Потому что, – тут Пендергаст слегка понизил голос, – если ты не отдашь фею свой зуб, то посередь ночи он придет к тебе домой и… заберет.

– Что заберет?

– То, что ему причитается.

– Какая ужасная легенда, – рассмеялась Констанция. – Интересно, а подозревал ли мсье Дюфур о том, что происходит?

– Он все прекрасно знал. Сейчас ты об этом узнаешь.

– Так значит, дети, по сути, отваживали злого Дюфура, оставляя ему свои зубы?

– Совершенно верно. Осознание того, что жуткий Зубной фей не навестит тебя посередь ночи, с лихвой перевешивало ценность десятицентовика или четвертака, ну или того, что можно было получить, положив зуб под подушку, – Пендергаст снова замолчал, предаваясь воспоминаниям. – В то время, когда произошла эта история, мне недавно исполнилось девять. Естественно, я считал сказку о Зубной фее – Дюфуре или ком-либо другом – сущей ерундой. На веривших в нее я смотрел свысока, даже с презрением. Все случилось в конце августа, на излете долгого и жаркого лета. Моя мать лежала в больнице с малярией, а отец уехал в Чарльстон по делам. Наш дальний дядя, потомок Эразма Пендергаста, приехал в наш дом на улицу Дофин присмотреть за нами. Его звали Эверетт Джадмент Пендергаст, дядя Эверетт. Он был любителем бренди с содовой и проводил все время за книгами. В общем, мы были предоставлены собственным занятиям. Как ты можешь себе представить, нас это вполне устраивало.

Пендергаст устроился поудобнее и забросил ногу на ногу.

– Моему брату Диогену только что исполнилось шесть. Этот случай произошел еще до того, как различного рода, скажем так, ненормальные интересы овладели им. Диоген был впечатлительным ребенком и, возможно, на свою беду, не по годам развитым. Каким-то образом он забрался в запертую прадедушкину библиотеку и прочитал множество старинных книг, которые ему не стоило читать. Книги по демонологии, колдовству, Инквизиции, девиантным практикам всех мыслимых видов, алхимии… Я считаю, что они оказали пагубное влияние на его дальнейшую жизнь. Еще он имел привычку тихо и осторожно подслушивать разговоры домашней прислуги. Даже в шесть лет Диоген был скрытным и хитрым мальчиком.

– Вечером, о котором идет речь – двадцать пятого августа – я увидел, как Диоген подозрительным образом крутится возле задней двери, что-то сжимая в кулаке. Я спросил, что он делает. Диоген отказался отвечать, и тогда я схватил его за руку и попытался разжать кулак. Мы подрались. Диогену было всего шесть, и я одолел его. В кулаке оказался перепачканный молочный зуб с запекшейся на нем кровью, очевидно, недавно выпавший. Я заставил брата рассказать о случившемся. Зуб выпал два дня назад, и Диоген ждал наступления полнолуния. Той ночью он собирался взять зуб, пробраться на улицу Монтегю и положить его в медный сосуд на крыльце Старика Дюфура. Он боялся, что если не отдаст зуб, то ночью тот придет за ним. Потому что Старик Дюфур должен получить свое.

Пендергаст сделал паузу. Серьезное, даже болезненное выражение

появилось на его бледном лице.

– Я был ужасным старшим братом. Я насмехался над его страхом, презирал его. Я считал, что если кто-то хочет верить в Зубную фею, то, по крайней мере, должен верить в привычную сказку, а не в какую-то нелепую байку об убогом старике из соседнего квартала, о котором шушукается прислуга. Меня злило, что мой родной брат, Пендергаст, падет жертвой столь идиотского поверья. Я собирался не допустить этого.

И я повздорил с ним. Сказал, что он не понесет зуб к дому Дюфура, а вместо этого сделает то, что делают нормальные дети его возраста – оставит зуб под подушкой, даже если мне придется заставить его сделать это. Я с пренебрежением отнесся к поверью, высмеял его и заявил, что мой брат не должен верить в такую чушь.

Но пока я с жаром предавался препирательствам, упрямец Диоген выхватил зуб. Мы снова сцепились, но на этот раз он вырвался и выбежал через заднюю дверь в ночную темноту.

Я бросился следом, но не мог найти его – Диоген уже тогда удивительным образом умел прятаться. Я бродил по окрестностям, злясь все больше и больше. В конце концов, так как мне не удалось обнаружить, где он, я поступил следующим образом – пошел на улицу Монтегю к особняку Дюфура, спрятался среди зарослей полузасохших карликовых пальм, что росли в заброшенном палисаднике перед крыльцом, и принялся ждать брата.

Помню, та ночь была тревожной. Пока я ждал, поднялся ветер, и издалека послышались слабые раскаты грома. Тусклый огонек горел только в одном месте особняка – наверху, в эркерном окне с выбитыми стеклами, которое не отбрасывало света. Часть ближайших фонарей была разбита. Полная луна освещала противоположную сторону дома, оставляя крыльцо в кромешной тьме. Не было ни единого шанса на то, что Диоген обнаружит мое присутствие. Там я его и поджидал. Старый дом Дюфура как будто тоже ждал его. Текли минуты и я, притаившийся в тени этого ветшающего здания, несмотря на насмешки относительно глупости брата, тем не менее, почувствовал отчетливую тревогу. Ощущение непосредственной близости чего-то, сконцентрировавшегося вокруг особняка подобно отвратительным миазмам. Плюс ко всему, жара и влажность в зарослях увядающих пальм были невыносимы, а вонь, похоже, исходила из дома: гнилостный запах напомнил мне о дохлой кошке, которую я нашел в темном углу нашего сада несколькими месяцами ранее.

Наконец, в половине одиннадцатого появился Диоген. Озираясь по сторонам, он крадучись тихо вышел из тени дальней части дома – пришел положить свой зуб. Я видел в темноте его бледное, испуганное лицо. Затем Диоген в упор взглянул на пальмовые заросли, среди которых скрывался я. На секунду я испугался, что мое присутствие обнаружено. Но нет: Диоген подкрался к старому особняку, снова

осмотрелся, и с превеликой осторожностью медленно взошел по лестнице и бросил зуб в старую плевательницу, стоящую на самом верху. До меня донесся слабый перестук – это зуб катался внутри маленького медного сосуда. Затем Диоген развернулся, спустился с крыльца и пошел по улице. Я едва слышал звук его шажков. Брат ушел, и почти сразу же наступила тишина. Вспоминая сейчас те события, я не перестаю удивляться, как такой малыш мог передвигаться со столь нарочитой бесшумностью. В дальнейшей жизни он станет безгранично совершенствовать эту способность.

Я ждал – десять минут, пятнадцать. Честно признаться, мне было довольно боязно подниматься по той лестнице. Еще я опасался, что Диоген, будучи от природы подозрительным существом, мог сделать круг, вернуться и спрятаться неподалеку, чтобы посмотреть, нет ли меня поблизости. Но вокруг было тихо, как в могиле. И в конце концов я набрался храбрости, покинул укрытие и начал пробираться сквозь пальмы к ступенькам крыльца. Я хорошо помню шелест их сухих листьев и гнилостный запах разложения, что я почувствовал, приближаясь к дому. По ступенькам я поднимался почти ползком.

На крыльце стояла тумба: на ней, некогда искусно вырезанной из дерева, лежала печать разрушения. Краска почти облезла, а древесина растрескалась под действием непогоды. На вершине тумбы имелось темное круглое отверстие, из которого выступал носик медного сосуда. Затаив дыхание, я просунул руку в горлышко, принялся шарить внутри и, коснувшись дна, схватил зуб и вытащил его. С удивлением я обнаружил, что в плевательнице не было других зубов – зуб моего брата был единственным. Положив на ладонь и разглядывая при тусклом свете маленький белый первый резец с тусклой темно-красной полоской у корня, я сразу понял, что зуб действительно принадлежал Диогену. Я вдруг подумал, что Дюфур и правда может знать о собственной "репутации", и что он постоянно забирает зубы, которые дети кладут в плевательницу. Но потом я отогнал эту мысль, сочтя ее игрой воображения. Несомненно, горничная или кто-то другой из этого дома недавно вынесли сосуд – это было очевидным объяснением. На миг мой взгляд замер на старом особняке. Тишина и спокойствие. В мерцающем свете верхнего окна не было ни души.

Я бросился бежать по дорожке, промчался по улице Монтегю и в раздумьях остановился на углу Бургунди.

Пендергаст замолчал, и выражение то ли смятения, то ли осознания собственной вины промелькнуло по его лицу.

– Как я уже сказал, пока Диоген спал, я собирался положить зуб под его подушку, а потом сказать дяде, чтобы тот оставил вместо зуба монетку. Но я все еще был зол на брата. Я боялся, что Диоген проснется, когда я буду прятать зуб, или что он может как-то иначе узнать об обмане. Тогда он наверняка вытащит зуб из-под подушки, отнесет его обратно к крыльцу старика, и тем самым сорвет затею преподать ему

урок. Все эти мысли вызвали очередной всплеск раздражения. Как брат может верить в такую чушь? И почему я трачу на нее время, часами сидя скорчившись в темноте? Я хотел показать ему, каким он был дураком. И в приступе глупой раздражительности выбросил зуб в водосток на углу Монтегю и Бургунди.

И стоило лишь выбросить зуб, как краем глаза я поймал короткую вспышку в разбитом эркерном окне наверху особняка. Словно свет фонаря преломился в осколках стекла. Еще я заметил или думал, что заметил, движение: какая-то тень промелькнула вдали. Я присмотрелся, но так больше ничего и не увидел. Ни тени, ни движения, только тусклый свет. Показалось, и только. Никто не видел ни меня, ни как я забрал зуб, ни как выбросил его. Я дал волю воображению.

И я со всех ног поспешил домой. Когда я вернулся, Диоген не спал, дожидаясь меня. Его детское личико выражало настороженность и недоверие. Торжествуя, я рассказал о том, что сделал и почему, и снова отчитал его за глупые и ребяческие суеверия. Сказал, будто надеюсь, что это послужит ему уроком. Я вел себя отвратительнейшим образом, и даже сейчас мне стыдно думать о своем тогдашнем поведении. Вина за трагическую ситуацию, в которой оказался Диоген, частично должна быть возложена на мои плечи.

Выдержав длительную паузу, Пендергаст продолжил рассказ:

– С ним случилась такая истерика, какой я никогда не видел прежде. "Старик Дюфур придет!" – в ужасе закричал Диоген, и слезы брызнули из глаз. – "Ты украл его зуб, и теперь он придет... за мной!"

Я опешил, но продолжил сохранять позицию старшего и более умного брата. Я ответил, что Дюфур, конечно же, не придет, будто он понятия не имеет, что его считают Зубным феем, и что тот не видел ни его, ни меня, и не знал, что зуб вообще оставляли. Но Диоген не поверил ни единому слову. Он настаивал на том, что Дюфур живет только ради зубов, что тот каждую ночь ждет подношения, собирает и хранит зубы, и наверняка видел все, что он и я сделали той ночью.

Неистовство истерики и чувствительность, несвойственные Диогену, потрясли меня. Тут я начал понимать, что сделал что-то плохое, очень плохое. Я почувствовал себя виноватым, и мне стало стыдно. Я осознал собственную бессердечность. Диоген то впадал в приступы детской ярости, то плакал. Это был единственный раз на моей памяти, когда я видел его плачущим. Я извинился перед ним. Пытался по-своему, по-детски объяснить, насколько необоснованными были его опасения. Обещал защитить его. Но ничего не помогало. В конце концов, я сам расстроился и ушел к себе в спальню.

Той ночью Старик Дюфур не пришел за ним. Наутро за завтраком Диоген был молчалив и угрюм. Я снова напомнил, что опасения совершенно беспочвенны. Но, даже втолковывая ему это, я ощущал тревогу, вспоминая пустую плевательницу, в которой не было других зубов. Во Французском квартале жили десятки, сотни детей и,

наверняка, в плевательнице должно было скопиться достаточно зубов. И где же они? Почему внутри не было хотя бы нескольких других? Но я как мог, игнорировал эти мысли.

За ланчем Диоген оставался все таким же взволнованным, раздосадованным и расстроенным. Где-то в середине дня он исчез. Он часто так уходил – никому не сказав, куда направляется, или по возвращении домой, где он был. Так что, даже при сложившихся обстоятельствах, я не особо волновался. Я полагал, что Диоген прячется в шкафу с одной из книг, которых ему нельзя было читать, или ставит какие-нибудь ребяческие эксперименты в огромном подвале нашего дома.

К ужину он не вернулся. Дядя Эверетт беспокоился до тех пор, пока я не заверил его, что Диоген часто исчезает подобным образом, и из-за этого не стоит волноваться. После ужина, за бренди и сигарой, дядя Эверетт посетовал на то, что такому малышу не следует гулять по ночам, но я еще раз заверил его, что Диоген скоро появится. Мои слова убедили дядю, и он отправился спать.

Наутро Диоген так и не появился, и это встревожило домочадцев. Дядя Эверетт строго отчитал меня за то, что я убедил его, будто исчезновение брата не было проблемой. Я мучился, раздумывая, должен ли рассказать о случившемся накануне. Но я все еще был абсолютно уверен, что Диоген рассердился на меня, надулся, ушел и сидит в укромном месте, целый и невредимый. Тщательно обыскав дом, но так и не найдя брата, дядя позвонил в полицию. Все попытки отыскать Диогена оказались бесплодными. Полиция проверила ряд подозрительных мест Французского квартала, тропинки вдоль берега реки, пирсы на Канал-стрит и парк Уолденберг. Наконец, около четырех часов дня двадцать седьмого августа, когда дядя призывал прочесать бреднями реку, я не выдержал и рассказал, что произошло два дня назад. Все еще не веря, в тот момент я начал бояться, что, может быть, Диоген оказался прав... и Старик Дюфур пришел за ним.

Дядя отнесся к моему рассказу с большим сомнением, если не сказать больше. Конечно, он не мог сообщить подобную версию полицейским: по его словам, рассказ звучал чересчур нелепо. Дядя не находил себе места – особенно он боялся нашего отца, раздражительного и вспыльчивого человека, который по возвращении обвинил бы его в пропаже сына и мог избить. В конце концов, он вздохнул, провел рукой по лицу и сказал:

– Полагаю, надо проверить все варианты. Я сам схожу к мсье Дюфуру.

Дядя Эверетт встал. Через переднее окно гостиной я наблюдал, как он зашагал по дороге в сторону улицы Монтегю. Я полагал, что дядя вернется через час, но его не было почти четыре. Но около полуночи, сидя на главной лестнице не в силах уснуть, я, наконец, услышал, как поворачивается ключ в замке парадной двери. Это

вернулся дядя Эверетт, а рядом с ним стоял Диоген. Окаменевшее лицо брата было мертвенно-бледным. Не говоря ни слова, он сразу ушел в свою комнату, запер дверь и не выходил оттуда несколько дней.

Пендергаст замолчал. Особняк на Риверсайд-драйв погрузился в безмолвие. Огонь погас, лишь угольки едва слышно потрескивали на решетке. Тяжелые портьеры закрывали наглухо запертые окна, и ни один звук с улицы не нарушал тишину библиотеки. Выждав еще минуту, Пендергаст продолжил рассказ:

– Вид у дяди был ужасный, даже страшный. Волосы странным образом всклокочены, что было очень на него не похоже, а запавшие глаза налились кровью. Лицо выглядело как-то совсем не так: челюсти просели, щеки ввалились, губы тряслись, словно у паралитика, а нижняя часть лица раздулась, как если бы дядя набрал в рот воды. Кожа приобрела багровый, почти фиолетовый оттенок, а на щеке виднелся порез. Губы были сжаты, в глазах появился твердый блеск. Он так страшно посмотрел на меня – никогда раньше я не видел у него такого взгляда. Мне показалось, будто я заметил пятна крови на воротнике его рубашки.

Он скрылся в задней части дома и позвал экономку. Услышав его голос, я был потрясен. Голос изменился, стал другим – невнятным и хриплым, как если бы дядя был пьян. Мне удалось лишь отчасти разобрать их диалог, но, похоже, он просил экономку подтвердить, что отец вернется на следующий день. Ему немедленно надо было уйти, и он вверял меня и Диогена под ее опеку.

Получив желаемое подтверждение, дядя проследовал в кабинет. Напуганный, я все еще сидел на лестнице и прислушивался к каждому шороху. Из кабинета до меня донесся скрип перьевой ручки. Потом дядя Эверетт снова вышел. Несмотря на душную ночь, на нем был белый льняной пиджак. Одну руку он держал в кармане, но я видел его бледные пальцы, сжимавшие рукоять пистолета. По всей видимости, дядя не заметил меня, открыл парадную дверь и растворился во тьме.

Я ждал его возвращения, но дядя не вернулся. Диоген сидел за запертой дверью, не реагируя на стук и мольбы. Ночь мы провели без дяди Эверетта. Настало завтра, а я все ждал. Прошло утро, затем часы пробили двенадцать, пошла вторая половина дня. Диоген продолжал скрываться в своей комнате, а дядя Эверетт все не возвращался. Мне было дурно от страха.

Отец вернулся вечером, и вид у него был мрачный. Из своей комнаты я слышал приглушенные голоса, доносившиеся с первого этажа. Наконец, около девяти вечера отец вызвал меня в свой кабинет. Не говоря ни слова, он протянул неразборчиво написанную записку. Я до сих пор помню ее содержание – слово в слово.

Дорогой Линней,

Сегодня вечером я ходил на улицу Монтегю к

М. Дюфуру. По незнанию, я сглупил и пошел туда, не подстраховавшись. Но возвращаюсь я не тем, что был прежде. Я мог бы препоручить это дело полиции, но – в силу причин, которые могут быть раскрыты, а могут остаться невыясненными – это то, с чем я хотел бы разобраться лично. Если бы ты побывал внутри того дома, Линней, ты бы понял. Эта гнусь, именующая себя Морусом Дюфуром, не имеет права на дальнейшее существование.

Понимаешь, Линней, у меня не было выбора. Дюфур считал себя ограбленным. И я задобрил его. В противном случае, он не отпустил бы ребенка. Он проделывал страшные вещи. Их следы останутся со мной до конца моих дней.

Если я не вернусь со своей вылазки, юные Диоген и Алоиз могут сообщить тебе все дальнейшие детали по этому вопросу.

Прощай, кузен. По-прежнему,
Искренне твой,
Эверетт.

Когда я вернул записку, отец пристально посмотрел на меня:

– Алоиз, не желаешь ли ты объяснить, что это значит? – мягко произнес он, но, тем не менее, звук его голоса сомкнулся вокруг меня подобно стальному капкану.

Сбивчиво – в голосе моем звучали замешательство, стыд и страх – я рассказал отцу обо всем, что случилось. Тот внимательно слушал, не задавая вопросов, не прерывая течения моего повествования. Когда я договорил, отец откинулся на спинку кресла и, сохраняя молчание, задумчиво закурил сигарету. Стоило сигарете превратиться в щепотку пепла в пальцах, он выбросил окурок в пепельницу, подался вперед и снова прочитал дядину записку. Затем отец глубоко вздохнул, поднялся на ноги, разгладил рубашку, открыл ящик стола и извлек револьвер. Убедившись, что оружие заряжено, он спрятал его за спиной, затолкав за пояс брюк.

– Папа, что ты собираешься делать? – спросил я, хоть мне и так все было понятно.

– Собираюсь выяснить, что случилось с твоим дядей Эвереттом, – ответил он, выходя из кабинета и направляясь к парадной двери.

– Возьми меня! – выпалил я.

Отец взглянул на меня и слегка прищурился от удивления.

– Не могу, сынок, – ответил он.

– Но это я виноват! Я должен пойти! Разве ты не понимаешь? – я вцепился в манжету его рубашки. Я просил. Требовал. Умолял.

Наконец, отец медленно кивнул:

– Очень хорошо. Может быть, это – что бы это ни было – преподаст тебе урок.

Прежде чем открыть дверь, отец обернулся, будто свежая мысль пришла ему в голову, взял керосиновую лампу, и мы рискнули выйти в ночь.

Всего лишь несколько вечеров назад я прошел по улице Дофин и свернул на Монтегю – точь-в-точь как мы шагали сейчас. Тогда я раздумывал, каким же глупцом был мой брат, и был очень раздражен тем, что лично мне придется переубеждать его. Теперь же, когда мы приближались к темному, безмолвному дому Дюфура, эти мысли тяжелым камнем лежали у меня на душе.

Ночь была ветреной и куда более тревожной, чем ночь моей предыдущей прогулки. Ветер раскачивал ветви деревьев, отчего их стволы содрогались, издавая стонущие звуки. По дороге кружились отбрасываемые уличными фонарями тени. Дома, мимо которых мы шли, лежали во мраке, их ставни были наглухо заперты в ожидании надвигающейся бури. Подняв глаза к небу, я увидел, как перед огромной желтой луной проносит ветром редкие облака. Несмотря на присутствие отца, меня охватил смертельный ужас – такой, какого я вряд ли испытывал до или после этой ночи.

Пендергаст замолчал. Немного погодя, он встал и принялся ходить из угла в угол, совсем как мсье Бертан сорока пятью минутами раньше. Он остановился у камина, поворошил кочергой угли, и отблески искр угасающего пламени заплясали по комнате. Обойдя библиотеку еще несколько раз, агент направился к серванту и налил себе щедрую порцию бренди. Залпом выпив, Пендергаст снова наполнил стакан и уселся в кресло. Констанция дожидалась, когда он продолжит рассказ.

– Как и прежде, в доме царили полная темнота и безмолвие. Я взглянул на эркерное окно, но этой ночью в нем не было света. Через сломанную оконную раму сквозняком вытащило кружевную занавеску, и она порхала на ветру, похожая на угодившее в ловушку привидение, отчаянно размахивающее руками в мольбе о помощи.

По скрипящим под тяжестью нашего веса доскам мы с отцом взошли на крыльцо и направились к двери. Я старался не смотреть в сторону тумбы, но не смог удержаться. Зияя темным отверстием, странный столбик или ящичек с медным сосудом внутри, стоял на прежнем месте.

На двери не было ни звонка, ни молоточка. Вручив мне незажженную лампу, отец вытащил из-за пояса револьвер и взялся за дверь. Дверь оказалась незапертой, даже не захлопнутой, и от легкого толчка распахнулась вовнутрь, в разверзшуюся темноту. Из глубины дома на нас пахнуло липкой вонью – смесью падали, залежалого мяса и тухлых яиц.

Мы шагнули вовнутрь. В доме стояла кромешная темнота.

Отец безуспешно шарил рукой по стене в поисках выключателя, и в этот миг порыв ветра захлопнул входную дверь у нас за спиной. Я подскочил от грохота и замер, дрожа от страха и прислушиваясь к отзвукам эха, раскатившегося по внутреннему пространству особняка.

– Алоиз, – послышался из мрака отцовский голос, – дай сюда лампу.

Хладнокровный, ровный тон его голоса поразил меня. Я поднял лампу над головой, и невидимая рука приняла ее. На мгновение вокруг стало тихо. Чиркнула спичка и лампа мигнула желтым огоньком. Раздался скрип – это отец выкрутил фитиль, прибавляя яркости, пока не стало… не стало видно, где мы находимся.

Пендергаст сделал глоток бренди, затем второй, и отставил стакан в сторону.

– Мы стояли в парадном. Тусклого света керосиновой лампы хватало только на то, чтобы мельком разглядеть окружающую обстановку. На первый взгляд ничего выдающегося: обыкновенный особняк довоенной постройки[4] в стиле, характерном для кварталов в дельте Миссисипи. Распахнутые двойные двери слева от нас вели в главный зал, справа – в столовую. Впереди виднелся изящный изгиб уходившей наверх широкой лестницы, а подлестничный коридор тянулся куда-то в невидимую даль.

Пендергаст сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Глаза понемногу привыкли к полумраку, и мне удалось рассмотреть явную запущенность жилища. На полу лежал потертый, изъеденный мышами персидский ковер. Картины на стенах настолько потемнели от времени, что их нельзя уже было рассмотреть. Балюстрада частично отсутствовала, а по обеим сторонам лестничного марша стояли вазоны с несколькими засохшими растениями. А потом я обратил внимание на кое-что еще… на кое-что очень необычное. Комнатные стены и мебель выглядели не ровными, как им надлежало быть. Их поверхность казалась… объемной, рельефной. Когда отец с опаской дошел до середины парадного, тьма отступила, и я заметил, что все вокруг, включая обои, источает мириады крошечных сверкающих искр, складывающихся в причудливые завитки и линии. В изумлении я смотрел на них, не в силах понять причину этого необычного эффекта.

Отец быстрее меня сообразил, что это такое. Я услышал, как он сдавленно ахнул и, замерши на месте, протянул лампу к одному из особо замысловатых узоров на обоях.

И тогда я понял, что эти узоры не были обойным рисунком. Они состояли из крошечных блестящих предметов, прикрепленных к стене. Пока я разглядывал завитки, отец шагнул вперед, и я догадался, что это были за блестящие штуковины.

Это были зубы. Крошечные белые отполированные зубы. Я

---

[4] Имеется в виду Гражданская война 1861-1865 гг.

потерял дар речи, равно как и отец. За первой догадкой последовала вторая: я увидел, что причудливые завитки были повсюду. Они тянулись вдоль лепных украшений, обрамляли деревянные стенные панели, образовывали петли и спирали вокруг дверных косяков, взбегали наверх по балюстраде, и украшали позолоченные края висящих на стенах картинных рам. Зубы… куда не глянь, отовсюду на меня смотрели крошечные резцы и премоляры. С невероятной точностью кропотливо выстроенные в ряд вереницы молочных моляров пунктирными линиями повторяли очертания комнаты. Часть зубов была прикреплена к стенам жевательной поверхностью, отчего их изогнутые корни отвратительным образом торчали наружу. Их закрепленные при помощи корней собратья выстроились желто-белыми костяными рядами, будто готовые впиться в воздух. Зубы образовывали завитки и спирали, похожие на изготовленные обитателями Южных морей ожерелья из раковин каури, а также разбегающиеся в разные стороны пучки тонких линий, подобные замершим в воздухе всполохам фейерверков. Были и другие, более массивные узоры, напоминавшие зловеще ухмыляющиеся лица с глазами-щелочками и разверзнутыми ртами, которые, как будто кричали на нас со стен.

Мой отец не проронил ни звука. Кажется, молчание пугало меня больше, чем, если бы он вскрикнул от отвращения. Он медленно подошел к ближайшей стене, поднял лампу и поводил ею по сторонам. Бесчисленное множество миниатюрных остроконечных теней заплясали вокруг, как в каком-нибудь кошмарном представлении с волшебным фонарем. Работа была проделана с чудовищной… аккуратностью или, если угодно, фанатичностью.

Широко раскрыв глаза от удивления, я глядел по сторонам. Но несмотря на шок и на то, что я практически оцепенел от страха, какая-то крошечная частица моего сознания не могла не задуматься над тем, как долго все это продолжалось. Сколько детей на протяжении скольких лет пожертвовали свои зубы на это наводящее ужас поделие. Чтобы скопить такое количество зубов, Старик Дюфур и впрямь должен был быть очень-очень старым.

С мучительной неторопливостью отец прошелся вдоль всех четырех стен парадного, подсвечивая себе лампой и разглядывая зубное творение. Зачем ему вообще понадобилось рассматривать и изучать его, я не знаю. Моих сил хватило только на то, чтобы не зажмуриться от омерзительного зрелища.

От ужаса я машинально попятился, потерял равновесие и, стараясь устоять на ногах, инстинктивно выбросил назад руку и, коснувшись стены, ощутил отвратительный холод жесткой неровной поверхности. Вскрикнув как от ожога, я отдернул руку от острых зубных бугорков и вновь оступился, задыхаясь от страха.

Пендергаст замолчал. Постепенно его дыхание, участившееся во время пересказа последних событий, выровнялось и, в конце концов,

он продолжил рассказ.

– Отец обернулся, и я заметил появившееся на его лице непонятное, отстраненное выражение. – "Ступай на улицу", – сказал он. – "Я должен найти Эверетта".

Но я ослушался. Мне было страшно оставлять его, и когда отец направился к двери в дальней части парадного, я вдруг побежал следом за ним. Не обращая на меня внимания, он шагал по темному коридору, держа наготове револьвер.

Мы вышли на выложенную плиткой и мрамором кухню, но там не нашлось ничего, кроме плесени и крысиного помета. В диванах и креслах, что стояли в убогого вида гостиной, поселились грызуны. Здесь также не было следов ни дяди, ни Моруса Дюфура.

А в самой дальней части дома, в маленькой комнатке, выходившей в то, что когда-то было садом, мы обнаружили кабинет. Внутри стояло старинное зубоврачебное кресло конца девятнадцатого века – деревянное, потемневшее от времени, с полированными латунными ручками и обглоданным крысами потрескавшимся кожаным сиденьем, из которого наружу торчала набивка. На стоящем рядом с креслом старинном латунном лотке мы нашли набор ржавых стоматологических инструментов с костяными ручками.

И там мы увидели кое-что еще. На лотке, с военной педантичностью выложенные в ряд, лежали зубы. Тридцать два зуба. Но нет – это были не детские зубы. Они принадлежали взрослому человеку. Влажные, с окровавленными корнями... некоторые из них были вырваны с такой силой, что на корнях остались кусочки челюстной кости. И вырваны они были недавно.

– "Вырваны они были недавно", – глухо повторила Констанция и вспомнила: – "Я задобрил его".

– Эверетт всегда был очень точен в выражениях. Он и вправду задобрил Старика Дюфура. Что же за ужасный это должен был быть обмен.

– И что с ним случилось? – спросила Констанция?

– Мы больше никогда не видели дядю Эверетта, – ответил Пендергаст. – Полицейские обыскали дом, затем провели повторный обыск. Дюфур и мой дядя как сквозь землю провалились. Были люди, говорившие, что слышали крики в ночи, что видели темную фигуру, волочившую сундук по заброшенным пирсам на Сент-Питер-стрит, но, конечно, все эти россказни так и остались слухами.

– И что стало с обычаем оставлять зубы у дома Дюфура? – спросила Констанция. – Задабривание Зубного фея продолжалось?

– Ты же знаешь детей, моя дорогая Констанция. Детские обычаи не умирают. Они передаются дальше с упорством, коего нет ни у одного взрослого обычая. Зубы оставляли, хоть дом Дюфура и дальше продолжал разрушаться. А затем, одной темной ночью он сгорел. Это случилось спустя три года после описанных мною событий. Никто особо

не удивился – заброшенные дома имеют тенденцию сгорать. Что до меня, то я долго задавался вопросом, не причастен ли каким-то образом к случившемуся мой брат Диоген. Позже я обратил внимание, что он очень любит пожары. Чем огонь сильнее, тем лучше.

Пухлая фигура миссис Траск появилась в дверях библиотеки. Экономка была рада сообщить, что повар заново приготовила пасту тальятелле, ужин готов, и тартюфо бьянко прямо-таки восхитителен. И правда – чудесный аромат, заполнявший кухню, теперь доплыл и до библиотеки.

– И паста приготовлена al dente? – спросила Констанция.

– Совершенно верно, – ответила миссис Траск.

За спиной экономки появился Бертан. Как Пендергаст и ожидал, настроение старика пришло в норму.

– Замечательно, я просто не могу ждать! – проговорил он, потирая руки. – Вы когда-нибудь чувствовали столь изысканный аромат трюфелей? Прошу, идемте немедленно.

Пендергаст поднялся с кресла и посмотрел на Констанцию:

– Идем?

"Al dente", – мысленно повторила Констанция. – "Да, кое-кто должен съесть свою пасту al dente." Алоиз, почему-то от вашей истории у меня невероятно разыгрался аппетит.

И с этими словами все трое отправились на ужин.